

С Л О В О

на заупокойной литургии при погребеніи профессора Аванасія Ивановича Булганова (16 марта 1907 года).

*Скажи ми, Господи, кончину мою,
и число дней моихъ, кое есть (пс. 38, 5).*

Эти слова св. псалмопѣвца, этотъ вопль души вѣрующей, но мучимой безотраднымъ сознаниемъ всей краткости и бренности нашего земного бытія, сами собою приходятъ намъ, братіе, на мысль при видѣ сего гроба. Воистину, неисповѣдимы судьбы Божіи: кто бы изъ насъ годъ тому назадъ могъ подумать, чтобы нашъ возлюбленный о Христѣ и приснопамятный Аванасій Ивановичъ, всегда представлявшійся намъ образцомъ здороваго человѣка, такъ скоро, по суду Божію, отошелъ „въ путь всея земли“ (3 Цар. 2, 2). Роковой недугъ, зачатки котораго, быть можетъ, и ранѣ таились въ почившемъ, такъ быстро сразилъ его могучую природу.

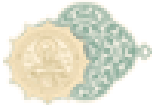
Всѣ мы, братіе,—семья и родные почившаго, сослуживцы и питомцы его и всѣ знаемые его,—соединились у гроба его для послѣдняго на землѣ свиданія съ нимъ. И въ эти знаменательныя минуты объединяетъ насъ и проникаетъ не только общее чувство любви къ почившему и жгучая скорбь о невознаградивой утратѣ дорогаго намъ существа, но и глубоко-горестное изумленіе и недоумѣніе по поводу

Труды Киевск. дух. Акад. Т. II. 1907 г.

столь, повидимому, безвременной кончины его: какъ-такъ быстро пресѣклась жизнь, столь дорогая и нужная для многихъ, для присныхъ, ближнихъ и дальнихъ почившаго?

Но вотъ, въ отвѣтъ этимъ недоумѣніямъ любящаго сердца мы слышимъ древнее слово премудрости: *Старость честна немноголѣтна, ниже въ числѣ лѣтъ исчисляется: сѣдина же есть мудрость человекомъ и возрастъ старости житіе нескверно* (Прем. Сол. 4, 8—9). Приложимъ же, братіе, это мѣрило къ почившему, кратко воспроизведемъ здѣсь его духовно-нравственный обликъ, бросимъ общій взоръ на его жизнь и дѣятельность: не найдемъ-ли мы здѣсь чѣкогого бальзама на раны скорбящихъ любящихъ его сердець?

Въ лицѣ почившаго сходитъ въ могилу великій труженникъ, примѣрно-добросовѣстный работникъ на отечественной учено-богословской нивѣ. Богатыя природныя дарованія онъ во много кратъ уплодоносилъ неослабнымъ и непрерывнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ своихъ и всѣ ихъ посвятилъ на служеніе наукѣ вѣры. Глубокая и искренняя преданность избранному дѣлу, дѣлу развитія богословской науки и богословскаго просвѣщенія, отличала все двадцатилѣтнее служеніе его въ Академіи. Онъ всегда работалъ, работалъ, не покладая рукъ, сколько позволяли ему хорошія силы и здоровье, хотя, вѣроятно, иногда и въ ущербъ послѣднему. Печатные труды его по своей наукѣ исчисляются десятками и имѣютъ большую ученую цѣнность. И во всѣхъ этихъ трудахъ, какъ и во всей преподавательской и просвѣтительно-общественной дѣятельности, почившій высоко держалъ знамя вселенской истины, знамя нравственно-богословской науки: „право править слово истины“ (1 Тим. 2, 15) было неизмѣннымъ правиломъ его учено-богословской дѣятельности, непреложнымъ требованіемъ его ученой совѣсти, при

свѣтъ которой онъ счастливо умѣлъ блюсти и объединять права и требованія вѣры и разума.

Но ученая совѣсть А. И., побуждавшая его такъ свято относиться къ преподаваемой имъ наукѣ, была у него лишь однимъ изъ проявленій цѣльной совѣсти его какъ чловѣка-христіанина. Ученый никогда не отгѣснялъ и не заслонялъ въ немъ чловѣка-христіанина, вѣрнаго сына Церкви, семьянина, общественнаго дѣятеля: „сія творити и онѣхъ не оставляти“ (Мѡ. 23, 23) было руководящимъ началомъ его отношенія къ наукѣ и жизни. Отсюда—незаурядная цѣльность духовнаго развитія почившаго, чуждаго крайностей и односторонностей ученой замкнутости, съ одной стороны, и жизненно-практической мелочности, съ другой. Это былъ чловѣкъ крѣпкой вѣры, твердаго убѣжденія, широкой природной доброты и радушія, искренности, простоты и открытости нрава, готовности на все доброе, отзывчивости къ чужому страданію и т. д. Это былъ—дерзнемъ сказать—„воистину израильянинъ въ немъ же лсти нѣсть“ (Іоан. 1, 47). И понятно, что „добрый чловѣкъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе“ (Лук. 6, 45), что при названныхъ свойствахъ души, онъ былъ и дорогимъ товарищемъ—сослуживцемъ, и добрымъ наставникомъ—учителемъ, и желаннымъ собесѣдникомъ, и добрымъ семьяниномъ, и полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

Но выше всего, къ общему нашему назиданію и утѣшенію, поставимъ мы духовную зрѣлость почившаго, ради которой онъ и могъ быть преставленъ Господомъ, по слову премудраго: *благоугоденъ Богови бивъ, возлюбленъ бысть, и живый посреѣ грѣшникъ преставленъ бысть* (Прем. 4, 10). Всю жизнь носилъ онъ, храня паче всякаго хранимаго, въ сердцѣ своемъ зерно вѣры, неизмѣнно являя послушаніе водительствоу св. Церкви. И сѣмя дало плодъ по роду своему: Господь сподобилъ раба Своего, хотя и не безболѣзненной, но истинно христіанской кончины. Умилительно было видѣть

великую нравственную чуткость умирающаго при приготовленіи его къ послѣднему напутствію святѣйшаго таинства тѣла и крови Христовыхъ. Прикованный тяжкимъ недугомъ къ смертному одру, онъ скорбитъ душою о томъ, что ему въ первый разъ въ жизни придется принять Св. Тайны на положеніи больного, на дому, безъ нарочитаго приготовленія и говѣнія, а когда удалось склонить его помириться съ этимъ, онъ, съ великимъ напряженіемъ послѣднихъ силъ, то выслушалъ, то самъ вычиталъ „правило къ причащенію“. Это былъ послѣдній день его сознательной жизни на землѣ, и онъ удостоился съ полнымъ сознаніемъ и глубокою вѣрою принять тогда же я таинство елеосвященія. Надежда на выздоровленіе не покидала его и тогда: глубоко объятый горькимъ сознаніемъ грѣховъ, онъ со всею пламенностью вѣрующей души чаялъ начать обновленную жизнь во Христѣ. Господь судилъ иначе...

Но мы вѣримъ, братіе, что пріятыя имъ Св. Тайны по неложному обѣтованію Господа (Іоан. 6, 54), содѣлаются въ немъ росткомъ вѣчной жизни со Христомъ, по молитвамъ Св. Церкви. Къ молитвамъ Церкви и мы всѣ, братіе, присоединимъ горячія мольбы свои о почившемъ.

Свящ. А. Глаголевъ.